

Татьяна Мажорина г. Волгодонск

«Тревога каждодневная Моя»

К 80-летию Бориса Куликова

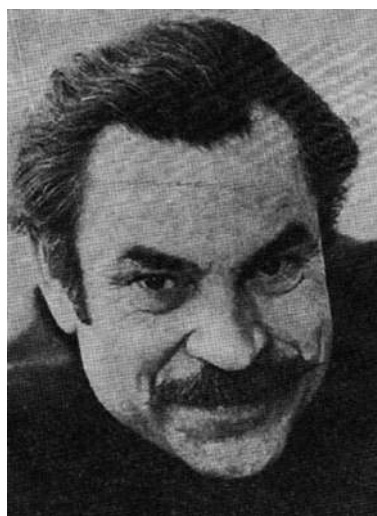
*Ни у кого пощады не просила.
Другим прощала,
Мести не тая,
Любовь моя
И боль моя,
Россия,
Тревога каждодневная моя.*

«Тревога каждодневная моя» – слова из стихотворения Бориса Куликова «Россия», которые как нельзя лучше характеризуют всеобъемлющую, искреннюю любовь к родине человека, поэта, писателя, актёра – великого сына земли Донской. Его стихи, простые и ясные, пропущенные через сердце, наполненные глубоким смыслом, не могут оставить читателя равнодушным. Не меньшей любовью пронизаны стихи, посвящённые его малой родине – Донщине:

*Родная степь...
Бескрайние покосы.
Кузнечики куют, как ковали,
Да солнце по колено бродит в росах,
Да шепчутся о чём-то ковыли.*

*Вздыхаю полной грудью терпкий запах,
И радостно кружится голова!
Бреду за солнцем по траве на запад,
Шепчу земле хорошие слова.
Поля мои, сады мои зелёные,
Мой тихий Дон, озёра, как моря...
Моя Донщина, солнцем прокалённая,
Ты, сердце, до кровинушки моя.*

Насколько тепло, светло и трогательно переданы чувства автора! Он сам очень много читал, много думал, старался идти в ногу со временем, имел дома шикарную библиотеку. Большое внимание уделял мемуарам, справочникам, исторической литературе. Василий Воронов, член Союза писателей России говорил: «Ему дано было сильно чувствовать и переживать, отчаянно любить и разочаровываться, заблуждаться и каяться. Он не знал середины. Или – или».

Борис Николаевич – автор 20 книг стихов и прозы, изданных в Москве, Ростове-на-Дону, Болгарии, Восточной Германии, создатель первого в СССР (1962 г.) Клуба любителей поэзии. Работал корреспондентом газет «Правда», «Сельская жизнь», агентства печати «Новости» (АПН). Печатался в престижных журналах «Огонёк», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Дон» и др. Выдвигался на Государственную премию, снимался в фильмах «Емельян Пугачёв» и «Мой ласковый и нежный зверь». Своими учителями по праву считает Михаила Шолохова, Анатолия

Калинина и Виталия Закруткина. Перебрал множество рабочих профессий: комбайнёр, слесарь, асфальтобетонщик, камнедробильщик. Сетовал, что не имеет ордена за литературные заслуги. Придумал новый проект: поэт на комбайне. Готов был сидеть за штурвалом по 20 часов в сутки, только чтоб взять рекорд. «Но увы, увы... – пишет Василий Воронов. – Видно, крепко судьба хранила Бориса Куликова для поэзии, для литературы. По дороге от машинного двора до пшеничного поля поэт как-то рискованно вильнул и опрокинул комбайн в глубокий кювет. Ремонтить покорёженную машину не было смысла...» Так незавидно закончился эксперимент с орденом.

У Бориса Куликова есть замечательные стихи-посвящения. Прочитую строки, относящиеся к Владимиру Маяковскому о назначении поэта, потому что они в равной степени относятся и к самому автору:

Пришёл поэт

*не сладко петь –
бороться!*

Весь мир –

в его задумчивых глазах...

Пришёл поэт

и подал руку солнцу.

И людям

громко

«здравствуйте!» сказал.

Борис Николаевич тоже вошёл в литературу громко, ощутимо, солнечно и по-настоящему. Его необыкновенно правдивые повести и рассказы, новеллы и очерки, стихи и путевые заметки снискали заслуженный успех не только у читателей Дона. Полагаю, пора немного коснуться его биографии. Родился Борис Куликов 28 августа 1937 года в семье потомственного донского казака. Отец – Николай Филимонович – в 1941 году ушёл на фронт. Тяжёлые военные годы... Мать – Александра Александровна – была смертельно ранена осколком бомбы, когда немецко-фашистские войска подошли к станице. Детей во время бомбёжек прятали под койки, к стенам. Борис и Элла – его младшая

сестрёнка, оккупацию переживали с бабушкой. Мальчику нравилось смотреть на танки, пушки, на вооружённых людей. Он ещё был слишком мал и особой ненависти к немцам не питал. В доме жили два немецких офицера. Не любил он их за то, что забрали его патефон. Надо сказать, что и офицеры по отношению к хозяевам вели себя терпимо.

Однажды к ним в хату ворвались полицаи, забрали бабушку в отделение и жестоко избили плетьюми, что очень подорвало её здоровье. После освобождения станицы пришла похоронка на сына, что окончательно добило её. Вскоре бабушка умерла. Маленькую Эллу увезла к себе на Дальний Восток сестра матери – тётя Аня, а будущего поэта взяла в семью сестра отца – тётя Катя, у которой было четверо своих детей. Он через всю жизнь пронёс любовь, тепло и уважение к этой удивительно доброй и работающей женщине, позже написав повесть «Память сердца», состоящую из трёх новелл. После окончания Великой Отечественной войны вернулся из фашистского плена отец и женился на тётя Ане, которая приехала в станицу с Эллой. Так их семья смогла воссоединиться.

После окончания школы Борис поступил на исторический факультет Ростовского государственного университета. Во время учёбы принимал участие в постановках созданного им совместно с друзьями студенческого театра «СТИФ». В 1964 году в издательстве «Молодая гвардия» выпустил первый сборник «Стихи», а спустя четыре года в издательстве «Советский писатель» – сборники «Сенокосная пора» и «Вербохлест», за последний был принят в Союз писателей СССР. Затем он увлёкся прозой, не переставая при этом писать и стихи, оставаясь таким же ранимым, беспокойным и верным сыном родной Донщины. В подтверждение приведу строки из стихотворения «Бессонница», посвящённого Анатолию Калинину:

*Уж звёзды гаснут, к горизонту клонятся.
Встаёт рассвет, росой трав звеня.
Но не уходит от меня бессонница,
Тревога не уходит от меня.*

Следует отметить, что проза автора содержательна, глубока и метафорична. Очень ярко описываются характеры героев-станичников: хлеборобов, комбайнёров, пастухов, рыбаков, а также браконьеров, чиновников и т. д., которых писатель помещает в различные житейские ситуации. А картины природы просто завораживают своей образностью. Достаточно привести пару-тройку примеров, чтобы читатель смог убедиться в художественности описываемых образов. Главное – описание одного и того же явления ни разу не повторяется из рассказа к рассказу! К примеру, одни и те же, казалось, сумерки, а как по-разному:

«Уже вечерело. Синий сумрак мягко покрыл парную пахучую землю. На небе будто кто-то сыпанул горстку проса – звёзды стояли друг от друга далеко, где-то на юго-востоке только-только угадывалась луна: там ширился редкий бледно-жёлтый неровный полукруг подсвеченного неба».

А вот другой вариант: «Луна, полная, ярко начищенная прохладным ветерком, мирно стояла над хутором... Густые сумерки упали как-то неожиданно, властно, как тёплой ладонью воробышка, накрыли взерошенный ночными садами и уличными тополями хутор».

Не менее сочно, зримо описана, к примеру, изнуряющая жара: «Август выдался сухим, жарким. С востока густым валом шёл жгучий, пахнувший солью, чабрецом и песком раскалённый пал, давил к потрескавшейся земле молодые травы, сушил на деревьях листья, плясал зыбучим маревом по неоглядной донской степи».

Ещё вариант: «А за хутором по степи и склонам радовались жаре виноградные лозы. Тугие ядрёные кисти жадно вбирали солнечные лучи и волшебным образом переплавляли их в янтарный кисло-сладкий сок, который, перебродив в доброе вино, потом, зимою, за праздничным столом, отдаст людям радостное тепло прошедшего лета».

Обращусь ещё раз к очерку Василия Воронова «Житие Куликова», чтобы более полно раскрыть образ Бориса Николаевича. Однажды они попали вместе в станицу

Новозолотовскую на творческую встречу поэта с читателями-земляками. Цитирую: «Борис надел отутюженные светлые брюки с плетёным ремнём, белую нейлоновую рубашку с запонками, обулся в кожаные мокасины. Взял под мышку гармонь двухрядку, сунул в карман томик стихов... Стремительно вышел на сцену: “Здравствуйте, мои дорогие!”» С этого мгновения от Бориса нельзя было оторвать глаз. Внимание зала полностью было подчинено обаянию поэта. Голос и жесты завораживали внимание зрителей:

*Казачий дух не грим актёрский,
Что под услужливой рукой...
Кто я такой?
Казак донской
Станицы Семикаракорской.*

И он действительно был душой зала, первым парнем, чувствовал любовь земляков. Пальцы уверенно и ловко бегали по клавишам, грубоватый бас с хрипотцой залихватски выводил: «Из-за Дона песню выведу». Восторг зрителей. Овации и ещё раз овации!.. А он продолжает:

*А в саду мороз калёный,
Снегири, как яблоки.
А на клёнах, а на клёнах
Зяблики озябли как!
Месяц лихо мчит на лыжах,
Небо низко – на вершок...
Белый ветер щёки лижет.
Снег пылает... Хорошо!*

Конечно, не всё и не всегда так хорошо и празднично в жизни. Бывало всякое. Его очерки о людях, о проблемах села, в том числе и о стиле руководства, не всегда воспринимались однозначно. Как-то он написал об ошибках первого секретаря Семикаракорского райкома КПСС, чем навлек на себя бурю негодования. Помочь в тот момент ему даже Шолохов был не в состоянии. Друзья из отдела культуры опасались на людях здороваться с ним. Пришлось по совету Виталия Закруткина на время покинуть станицу. Правда, секретаря этого поз-

же сняли за приписки, и Куликов вернулся «на круги своя».

Как бы то ни было, писать Борис Куликов не переставал никогда. Через всю жизнь пронёс сыновнюю любовь к родине, к литературе, был искренним до конца дней своих, очень тяжело переживал распад Советского Союза. В феврале 1993 года во время просмотра выступлений своего тёзки – Ельцина Бориса Николаевича – у него случился инсульт, и 5 марта он умер. Хоронили поэта морозным мартовским днём. Сотни людей шли за гробом, причём не только земляки, горячо любившие его, но также москвичи и ростовчане. Сегодня в центре города Семикаракорска на гранитной колонне рядом с Дворцом культуры стоит небольшой бюст поэта, а поклонники его творчества с 1997 года ежегодно собираются на праздник «Щедрый август Бориса Куликова». Именем писателя названа средняя школа № 1 и городской проспект.

Как незримый наказ звучат слова из стихотворения «Завещание горца», якобы адресованные жене:

*Оставляю тебя
По мужскому последнему праву
Помнить лучшие дни,
Видеть самые лучшие сны.
Завещаю тебе
Не носить по мне горестный траур –
Улыбайся прохожим
И радуйся зову весны.*

Использованная литература:

1. Куликов Б. Н. Моя Донщина. Избранные стихи: Ростов-на-Дону, ЗАО «Книга», 2012
2. Поэзия Дона. Антология XX-XXI: ОАО «Ростов-книга», 2014
3. Воронов В. А. Сюжеты о писателях: ЛФР «Донской писатель», 2012
4. Куликов Б. Н. Мои дорогие люди: Москва, «Советский писатель», 1975
5. Куликов Б. Н. Облава: Москва, «Советский писатель», 1990
6. Куликов Б. Н. Круговерть: Ростовское книжное издательство, 1987
7. Куликов Б. Н. Ярость жизни: Ростовское книжное издательство 1980

*– Вот выстрел так выстрел!
Прямо промеж глаз!
– Специалист.
– С одного разу?
– Ну!*

Борис Куликов, «Облава»

Осевший, грязный снег. Царит февраль.
В терновой балке мечется волчица:
Недолг срок потомству появиться.
Удастся ль род продолжить свой? Едва ль...

Нора готова. Кровь из-под когтей
(Луны безмолвной сонное мерцанье),
Работает инстинкт на выживание:
Почуяла непрошенных гостей.

Вмиг обложили. Гнали с трёх сторон –
Чиновнику высокому в угоду,
«Защитнику» покорного народа.
Трофей, конечно же, подстрелит он!

Недаром «цирк» устроен для него:
Зря не подпишет нужную бумажку,
А без бумажки, ясно – все букашки,
Так... шелуха... не значат ничего.

Хозяин жизни крепче жмёт на газ,
Кипит в крови запал адреналина,
Под улюлюканье – похож на свина.
Загнал вконец её. Кто зверь сейчас?

Она стоит, шатаясь, он – в упор
Стреляет между глаз прицельно, метко.
Убийство иль охота? Что нередко...
В заплывших глазках светится восторг.

Колючих звёзд холодный, льдистый свет...
Подрагивает брюхо у волчицы.
А из сосцов молозиво сочится...
Страшнее человека – зверя нет.